

**НОВОЕ О ТРАДИЦИОННЫХ
КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМАХ КУМЫКОВ
(На основе полевых этнографических материалов)**

Область традиционной культуры кумыков достаточно хорошо изучена. Здесь, в небольшой статье, мы не будем перечислять дореволюционных, советских и постсоветских авторов, внесших тот или иной вклад в разработку проблемы, упомянем лишь имя хорошо известного кавказоведа, ученого С.Ш. Гаджиеву и назовем ее историко-этнографические исследования, посвященные кумыкам, где совокупность интересующих нас вопросов рассмотрена глубоко и всесторонне (*Гаджиева С.Ш.*, 1961; 2000; 2005).

В ходе сбора полевого этнографического материала (2003–2005 гг.) по теме «Духовная культура кумыков в XIX – начале XX в.» в районах проживания представителей этой народности нами со слов информаторов, чаще всего ссылающихся на своих предков, записаны весьма интересные, как нам кажется, обычаи и обряды, дополняющие, уточняющие уже имеющиеся у нас представления о народном календаре кумыков, обычаях и обрядах, его сопровождающих. Имеющиеся у нас материалы, по нашему мнению, не только детализируют отдельные стороны проблемы, но и в ряде случаев позволяют по-новому взглянуть на, казалось бы, известные положения и характеристики в этом вопросе.

В весеннем сезоне кумыки различали два периода: къара язбаш (черная весна) и язбаш (весна). Первый из периодов был очень тяжелым для людей, для скота, который они содержали: запасы на зиму подходили к концу, а новых нужно было ещё долго ждать (*Гаджиева С.Ш.*, 1989. С. 16–17). По народным поверьям на все дни, пока длился первый весенний период, его название произносить категорически запрещалось.

На 11-й день периода в с. Тумеллер население проводило обряд «плач скота» («гъайванлар йылав»). В каком-нибудь хлеву запирали 11 коров и 11 овец. К этому месту собиралось 11 мальчиков и 11 девочек, которые, стоя отдельными группами, имитировали плач, выкрикивали «кушать хочу», «хлеба хочу» («ашамагъа сюемен», «аш сюемен»). Обеспокоенный этим шумом и гвалтом снаружи, скот в хлеву начинал мычать и блеять. Все это, сливаясь вместе, должно было умиловить какие-то высшие силы, уберечь и людей, и скот от голода, недоедания. Подобный обряд, насколько нам известно, больше нигде не проводился, может быть, он исчез под влиянием духовенства, не одобрявшего его. Схожие обычаи, где были задействованы плач детей, оставленных на лоне природы на короткое время одними, а также мычание и блеяние коров и телят, отделенных друг от друга, овец и ягнят, были и у горцев Дагестана при обряде вызывания дождя (*Булатова А.Г.*, 1988. С. 71 – 72; 1999. С. 94; *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.*, 1999. С. 94; 2004. С. 99).

Народный календарь кумыков сложился с незапамятных времен и отличался самобытными чертами (*Гаджиева С.Ш.*, 1989. С. 12–14). Об этом свидетельствует, в частности, бывшее наличие названий отдельных сезонных временных единиц, связанных с земледельческой практикой, с особенностями естественно-климатических условий, названными номинациями животных, птиц и насекомых: время весенней вспашки, время полива, время прополки, время пчелы, время зноя, время прохлады, время жатвы, время обмолота, время ветров, время

заморозков, время быка, время коровы, время замерзания воды, время снега, время волка, время холода, время таяния снега, время мышей, время сороки, время ласточки, время цветов, время шиповника, время подорожника, время змеи.

Интересно отметить, что в различных микрорегионах проживания кумыков (засулакские, хасавюртовские, шуринские, кайтагские) названия эти дословно совпадают, а их последовательность в каждом из них своя. Исключение составляют кумыки с. Башлыкент, у которых, кроме того, различались «время овцы» и «время грома». Небезынтересно также, что число временных отрезков в основном составляет 24: видимо, в каждом месяце различалось по два периода; может быть, у башлыкентцев какие-то месяцы делились на три периода. Такого рода счет времени характерен был и для других народов Дагестана: лакцев, даргинцев (*Лугуев С.А.*, 1988), андо-цезов (*Лугуев С.А.*, 1987. С. 7; *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 1994. С. 174; 2002. С. 166; *Ризаханова М.Ш.*, 2003. С. 146).

У кумыков получил распространение 12-летний животный (звериный) цикл летосчисления. По этому календарю каждый год имел свое название, и они, годы, циклично повторялись в следующем порядке: год мыши, коровы, барса, зайца, рыбы (дракона), змеи, лошади, овцы, обезьяны, птицы, собаки, свиньи.

В народе считались нежелательными браки между родившимися в годы зайца и овцы – не будет потомства; между родившимися в годы коровы и свиньи – могут родиться дети с физическими недостатками; между родившимися в годы мыши и обезьяны – в доме будут сплошные ссоры. Считались удачными браки между рожденными в один и тот же год, между «мышами» и «рыбами», особенно между «лошадьми» и «барсами». В год мыши старались не совершать значимых торговых операций. По другой информации, это был год благополучный для занимающихся извозом. Год коровы, напротив, считался удачным для крупных покупок, обменов, продаж. В год барса любителям поохотиться рекомендовалось поумерить охотничий пыл. В год зайца считалось предпочтительным делать заготовки для будущего строительства (лес, саман, камни), но рекомендовалось воздержаться от строительства как такового. В год рыбы следовало соблюдать особенную осторожность в обращении с огнем. Все значимые начинания кумыки стремились перенести на год змеи, в год лошади полагалось, как можно чаще одаривать родственников и односельчан, кроме того, год считался благоприятным для дальних поездок. В год овцы вода рек и ручьев считалась наиболее полезной для человека и не очень – для животных. В этот год девушки старались как можно чаще мыться родниковой водой: от этого, верили люди, девушки становились краше. В год обезьяны рекомендовалось как можно меньше ссориться с людьми: даже незначительная перебранка, по поверьям, могла обернуться многолетней враждой (особенно в первой половине года). Год птицы считался «годом хозяек дома», особенно многодетных матерей: все у них в этом году ладилось. В год собаки мужчинам рекомендовалось максимальное воздержание от хмельного под страхом больших неприятностей в личной, семейной жизни. В год свиньи, особенно во второй его половине, исполнялись заветные мечты девочек, подростков и девушек.

Надо полагать, что этот календарный цикл имел самое широкое хождение в народе и обслуживал население на протяжении длительного исторического периода. Приведенные нами материалы дают основания для такого предположения.

Получил распространение у кумыков также календарный цикл, в котором год делился на 4 отрезка по 90 дней в каждом: весна (язбаш), лето (яй), осень (гюз), зима (кьшиш). Каждый из них, кроме того, делился на более мелкие отрезки времени, чаще всего обозначенные видами сельскохозяйственных работ (*Казанбиев К.*, 1989. С.20–23). Собственно, это 12 месяцев народного календаря: «оьртен-ай»

(огневой) – когда на полях сжигалась высохшая прошлогодняя растительность; «майсан-ай» (жирный) – травы шли в рост, увеличивалась тучность скота, кормившегося свежей травой, увеличивалась жирность молока; «гюльпан-ай» (цветочный) – время цветения в природе; «кюржан-ай» (период изобилия продуктов); «индир-ай» (месяц молотбы) – время уборочной страды; «туршез ай» – очевидно, период наибольшего влияния звезды Туршу; «кьочгьар-ай» (месяц случки); «байсан-ай» (богатый месяц); «май-йилик» (период убоя скота и заготовки мяса на зиму); «тунлу ай» (темный) – месяц коротких и пасмурных дней; «аюв ятгьан-ай» (месяц медвежьей спячки) – середина зимы; «чиле», с наиболее холодным периодом «гичи чилле» (Казанбиев К., 1989. С. 21–23).

А.Г. Булатова считает, что «...приведенные названия 12 месяцев народного календаря редко кто знает...» (Булатова А.Г., 1999. С. 26). Полагаем, что календарь получил самое широкое распространение в кумыкской среде: нами записан ряд народных примет, связанных с этими годовыми подразделениями. Так, например, в месяц «чилле» запрещалось убивать мышей, т.к., по поверьям, в этот период, особенно для них голодный, мыши могли наслать проклятие на дом и семью обидчика. В конце этого месяца, проходя мимо поля, своего или чужого, следовало коротко поблагодарить его за дарованные блага, даже если последний урожай с него был невысок («За хлеб, который тобою дан, спасибо»). Месяц «оьртен-ай» считался наиболее благоприятным для любых обновлений утвари, постельных принадлежностей, одежды, обуви и др. Интересно отметить, что в наиболее «обильные» месяцы года – в «кюржан-ай» и «байсан-ай» – рекомендовалось проявлять сдержанность в пище: «Бог (Тенгери) (Кляшторный С.Г., 1981. С. 132) не любит насыщающихся», – говорили кумыки по этому поводу. Возможно, что здесь какая-то генетическая связь с идеей «ритуального голодания» (Фрэзер Д.Д., 1986. С. 41, 56,80, 151). Месяц «гюльшан ай» считался в народе самым неблагоприятным для излечения парши, фурункулов, чесотки, нарывов и прочих кожных заболеваний. В месяц «кьачгьар-ай» в селениях старались производить как можно меньше любого шума, свести к минимуму работы, производящие шум, а также выкрики ребятни, перебранки женщин, ссоры мужчин и проч.: всё это якобы могло отрицательно сказаться на приплоде скота. Были, мы в этом уверены, и другие какие-то поверья, приметы, запреты и проч., пока что нами, к сожалению, неустановленные.

Отсчет весенних дней начинался с 22 марта, на 20-е же его числа падали дни проводов зимы и встречи весны (Гаджиева С.Ш., 1989. С. 59–60).

В эти же дни в народе принято было навещать родственников, соседей, односельчан с небольшой охажкой топлива для разводимых «семейных» костров. Нес охажку и бросал ее в огонь мальчик, а его мать, бабушка, реже отец, дед, пришедшие с ним, при этом говорили: «С дымом пусть плохое (злое) уйдёт, а хорошее (доброе) с огнем останется». Такой поступок считался выражением глубокого уважения и искренней привязанности к хозяевам этого дома. О заведомо плохих людях обычно говорили: «Их дети на кьыш гюдюров топлива в чужой костер не подбросят». При совершении этого обрядового действия между людьми, бывшими в состоянии ссоры, считалось, что пришедшая с топливом сторона признает свою вину и просит прощения. Стороне, которой в такой форме приносили извинения, считалось неприличным сохранять натянутые отношения.

Огнем костра для проводов зимы юноша мог воспользоваться и как средством, чтобы «приворожить» нравящуюся ему девушку. Для этого он загодя готовил крохотный узелок, куда были завернуты сбритые со щек или головы волосы, а также срезанные с пальцев рук и ног ногти. Чтобы магический прием возымел действие, в ночь, накануне праздника, юноша, зажав узелок в обеих

руках, должен был 99 раз повторить имя своей избранницы, а затем положить его под изголовье постели. В день праздника, придя с визитом вежливости во двор девушки, он незаметно бросал этот узелок в костер – разумеется, при условии, что девушка находилась тут же у костра: запах горящего содержимого узелка должен был действовать только на неё.

День летнего солнцестояния, приходившейся на 20-е числа июня, назывался у кумыков «гюн къатуву» (поворот солнца) – так же, как и зимнего (*Гаджиева С.Ш.*, 1989. С. 21). С первыми днями лета был связан целый ряд народных поверий. Так, например, население с. Буглен, Н. Казанище, Н. Дженгутай в эти дни избегало носить обновки: новую обувь, новые платья, платок, штаны, папаху и проч., особенно следили, чтобы выходящие со двора на улицу дети, мальчики и девочки, были одеты в старую одежду: стоптанную обувь, ветхие штаны, платье, дырявый платок и проч. В те же дни женщины либо не носили совсем, либо сводили к минимуму серебряные и особенно золотые украшения, а также бусы, ожерелья, кулоны с полудрагоценными и драгоценными камнями. Мужчины избегали красить бороды, женщины – волосы. О радостных событиях в доме, в семье люди старались не говорить, а если уж говорить, то шепотом; избегало население также готовить блюда, выходящие за рамки повседневности, например, халву, плов, сладости и проч. Возможно, что эти обычаи в стародавние времена были продиктованы стремлением людей разжалобить активизировавшиеся силы природы, способные воздействовать на будущий урожай, не вызывать у этих сил завистливого недоброжелательства. В с. Карабудахкент в эти же дни население стремилось сытно накормить домашних и бродячих кошек и собак. Здесь же считали хорошим предзнаменованием, если в эти дни волк зарежет чью-либо скотину. Женщины с. Аксай к тем же дням приурочивали раздачу в селении кусков тонких лепешек из пшеничной муки, обильно смазанных топленным маслом. Скорее всего, во всех случаях население сохранило дошедшие от предков отдельные детали, фрагменты некогда более сложных обрядовых действий, связанных с наступлением очередного годового сельскохозяйственного сезона.

Обычаи и обряды, призванные умиловить силы, от которых зависела судьба урожая, в первые дни лета соблюдались и проводились и другими народами Дагестана (*Булатова А.Г.*, 1999. С. 219–222).

Летом кумыки отмечали праздник «оракъгъа чыгъыв» (выход на серп), хорошо описанный С.Ш. Гаджиевой. Молодежь, юноши и девушки, собиравшиеся на помощь то к одному, то к другому хозяину при жатве, в процессе работы, в перерывах и после окончания трудового дня весело общалась, устраивались танцы, игры, пели песни (*Гаджиева С.Ш.*, 1989. С. 68–69).

Во время жатвы девушка имела право выбрать себе в помощники-напарники любого из присутствующих парней. Могла она же и в любой момент совместной работы отказаться от его услуг по любой, пришедшей ей на ум причине: за молчаливость, болтливость, за чрезмерное усердие, за лень, за неудачную шутку, за стремление постоянно смешить её и т.д. Парень послушно удалялся, подходил к любой другой паре и «разбивал» ее. (Например: «Камиль, ступай к Хадижат, она не хочет со мной работать, я поработаю с Барият»). Таким образом, работа не прекращалась, но молодежь благодаря обычаю успевала хорошо пообщаться друг с другом.

Девушки, также не прекращая работы, импровизируя, слагали друг о дружке и о парнях сатирические куплеты-загадки. То и дело, то одна, то другая, оторвавшись от работы, скороговоркой произносила примерно следующее: «Сама с пенёк, сердце как у буйволицы, на нас смотрит, опустив глаза, на парней поглядывает искоса – кто это?». Раздавалось несколько голосов: «Уммкюсюм!», «Абидат!», «Айшат!» – и все смеялись: названные девушки

могли быть среднего или выше среднего роста и, не отличаясь особой стеснительностью, быть достаточно бойкими. Или: «Если б он был так широк, как и высок, прошел бы он в ворота? Если б он так же работал бы, как ест, зачем остальным выходить в поле?» – и т.п.

Вечером молодежь возвращалась в селение с тем, чтобы с раннего утра следующего дня продолжить работу. Впереди шли юноши, несколько поотстав от них, девушки. Пели песни. Парни, подождав, пока девушки подойдут ближе, бросали в них сорванные по пути пучки цветов и трав. Девушки в ответ имели право отхлестать парней, оказавших им внимание таким образом, заранее заготовленными тонкими прутьями. То и другое означало признание в равнодушии друг к другу. Впрочем, правом отхлестать юношу девушки не все и не всегда пользовались. Над девушкой, в которую никто из парней не бросил пучок цветов и травы, в селении посмеивались («Её никто травой не накормил!»). Девушки зорко следили, чтобы кто-либо из парней по неведению или злему умыслу не бросил бы в кого-либо репей: такой поступок означал бы публичное обвинение девушки в легком поведении. На почве такого поступка юноши в селении могли произойти крупные неприятности с непредсказуемыми последствиями.

Основная кампания по вспашке и засеву поля у кумыков проходила осенью (Гаджиева С.Ш., 1989. С. 26–28).

С началом осенних полевых работ были связаны обрядовые действия, призванные активизировать носителей доброго начала и призвать их к обеспечению хорошего урожая. Вечером кануна дня вспашки младшая незамужняя дочь хозяина поля или его внучка, дочь брата, родственница по мужской линии разбрасывала по полю несколько пригоршней зерна. С выходом для этой цели из дома и до возвращения домой она не должна была перекинуться ни словом с кем бы то ни было. Здесь в комплексе проступают элементы магического характера: и умилоствление кормом каких-то грызунов, птиц, насекомых, и сакральность невинной девочки, девушки, и «обет молчания», накладываемый на неё. В данном случае мы имеем дело либо с рудиментами отдельно взятых языческих представлений (Фрэзер Д.Д., 1986. С. 107, 128, 204), либо с фрагментами цельного, некогда сложного религиозно-магического ритуала. Представляется не случайным, что этот обычай кумыков имеет заметные параллели с обычаями горцев Дагестана, которых население придерживалось по другим поводам. Так, например, у тиндинцев проводился обряд обезвреживания «матери болезней» Дохдулай. В первый день зимы горячий бульон ритуального блюда разливался в кувшины, которые девочки и девушки молча разносили по всем ведущим в селение тропинкам, молча поливали бульоном эти тропинки и молча, как можно быстрее, бегом возвращались по домам (Булатова А.Г., 1984. С. 186). Мы можем предполагать былую распространенность у народов Дагестана сложных религиозно-магических ритуалов, со временем изменившихся в деталях и проводившихся в разное время года с разными же целями. У жителей с. Атланаул в ночь перед пахотой человек, собиравшийся вспахать поле (а это не всегда его хозяин), ночь проводил в одном помещении с быками (здесь же находился и плуг). Обычай не совсем понятен, аналогов в специальной литературе, несколько нам известно, нет. Можно, однако, с определенной долей уверенности видеть здесь идею единения человека, животных и орудия труда перед ответственным делом.

Осень – это период организации различного рода «булкъя» – обычая взаимопомощи: по обмолоту или шелушению кукурузы, мягчению кожи, трепанию шерсти и др. «Булкъя» собирала то или иное число молодёжи – от нескольких человек до нескольких десятков девушек и парней. Молодежь приходила на

эти работы разнаряженной, организовывались танцы под музыку, состязания в пении (импровизации) и т.д. (Гаджиева С.Ш., 1989. С. 32).

На молодежных собраниях этого рода в какой-то степени допускалось такое проявление симпатии по отношению к девушке, как подмигивание. Встретившись взглядом с нравящейся ему девушкой, парень мог незаметно для других подмигнуть ей. В лучшем случае девушка делала вид, что она ничего не заметила. Так, однако, было не всегда: девушка могла в ироническом тоне публично высмеять парня («Что-то с глазом нашего Пахрутдина, наверно, плохо выпался»; «Бедняжка Али-Султан, что-то с ним произойдет, потому что правое веко у него непрестанно дергается»; «Посмотрите на Ахмеда, он ресницами глаза мух отгоняет» – и т.п. реплики девушек на потеху всем присутствующим нередко были в ходу). Забавы ради девушка, обычно выделяющаяся своей привлекательностью, могла сама подмигнуть юноше, подростку, который ей по летам в женихи явно не годился: растерянность, смущение парня вызывали поток острот и взрывы смеха со всех сторон.

С 20-х чисел декабря до 20-х чисел марта длился зимний период сельскохозяйственного календаря кумыков. Приметами наступления зимы служили окончание листопада, появление первых заморозков, выпадение инея (Гаджиева С.Ш., 1989. С. 30–32). Определялось оно и по другим признакам-приметам: учащалось пыхтение овец; лошади в стойле не стояли спокойно, как обычно, а начинали топтаться на месте; кошки реже обычного вылизывали шерсть; домашнюю птицу особенно донимали паразиты; папоротник увядал и повисал на стебле; высыхал подорожник; конский щавель, приняв коричнево-бурую окраску, сворачивался; падала активность мышей и, напротив, активизировались крысы; зайцы начинали обгладывать кору деревьев; учащались нападения лис и хорьков на домашнюю птицу.

Зима включала следующие периоды: «къара кыш» (черная зима) – 25 дней, «чилле» – 40 дней и «кышны арты» (конец зимы) – 25 дней. В среднем периоде различали «уллу чилле» (большой чилле) – 30 дней и «гиччи чилле» (малый чилле) – 10 дней. Это было время, когда люди без особой надобности из дома старались не выходить, особенно в последние 10 дней, отличавшиеся морозами и холодными ветрами (Гаджиева С.Ш., 1989. С. 33).

Интересное предание записано нами в с. Эрпели. Местный житель Девлет-Мурза, пользовавшийся репутацией остроуслова и балагура, в дни малого чилле отправился в лес за дровами, так как запас топлива в хозяйстве кончился, и его семья страдала от холода. Утро выдалось хоть и морозное, но ясное и безветренное. Однако, как только Девлет-Мурза выехал за ворота, поднялся сильный ветер и началась метель. Упрямый мужик все же решил не возвращаться и с большим трудом добрался до леса. Здесь он, стараясь не обращать внимания на разбушевавшуюся стихию, начал рубить дерево, как вдруг метель утихла, и на поляне возникла старуха, вся в белом, с длинными седыми космами волос, с необыкновенно сморщенным лицом, маленького роста, с ледяной клюкой в руках. «Все, и люди, и животные, меня боятся, – обратилась к нему старуха. – Тебе что, жизнь не дорога? Вот я сейчас заморожу и тебя, и твоего коня!» – «Послушай, красавица, – почтительно обратился к ней хитрец. – Ты, я думаю, Гиччи-чилле. Но скажи на милость, почему тебя называют старухой, ведь от тебя взгляда не оторвать?» Старуха молча постояла, потом улыбнулась так широко, что «лоб опустился до самого носа», и вдруг исчезла. Вокруг потеплело. Девлет-Мурза набрал дров и поехал домой, но как только он въехал в свой двор, ударил трескучий мороз и опять подул сильный холодный ветер.

Таким образом, собранный нами полевой этнографический материал позволяет до какой-то степени расширить имеющиеся представления о народном

сельскохозяйственном календаре кумыков и сопровождающих его обычаях и обрядах, а также ввести в научный оборот отдельные новые штрихи и детали в календарные системы, обслуживавшие производственную практику и быт местного населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Булатов Б.Б., Лугуев С.А., 1999. Духовная культура народов Дагестана в XVIII – XIX вв. (авары, даргинцы, лакцы). Махачкала.

Булатов Б.Б., Лугуев С.А., 2004. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала.

Булатова А.Г., 1984. Мифологический образ Рохдулай и связанный с ним обряд // Мифология народов Дагестана. Махачкала.

Булатова А.Г., 1988. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.

Булатова А.Г., 1999. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.

Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.

Гаджиева С.Ш., 1989. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала.

Гаджиева С.Ш., 2000. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Т. 1. Махачкала.

Гаджиева С.Ш., 2005. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала. Т. 2.

Казанбиев К., 1989. Къумукъ йылнамалар: Йыл айланип – яз гемер // Дагъистанлы къатын. № 2–4.

Кляшторный С.Г., 1981. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. М.

Лугуев С.А., 1987. Народный календарь и счет времени у ахвахцев (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала.

Лугуев С.А., 1988. Полевой дневник. // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 611.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М., 1994. Божтинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М., 2002. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Ризаханова М.Ш., 2003. Гунзибцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Фрэзер Д.Д., 1986. Золотая ветвь. М.